Рецензии

Узланер Д. **Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. — 416 с.**

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-362-368

Исследователи, которые работают в области гуманитарного или социального знания, регулярно предлагают концепции описания современного состояния общества с разной степенью обобщения и внимания к той или иной сфере жизни (экономика, культура, религия). Например, до начала XXI века постмодернизм представлялся наиболее релевантным языком для описания «современности», в последнее же время стало появляться множество альтернативных концепций для описания настоящего, которые можно перечислять до бесконечности — гипермодернизм, метамодернизм, диджемодернизм и т. д.[1]

Многие обращают внимание на влияние отдельных феноменов на современность — медиа, роботизации или, например, религии. Если долгое время ученые утверждали, что мы живем в секуляризованном мире, то сегодня, осознав несостоятельность данного подхода и заметив объективные процессы трансформаций религиозного, а также его возвращение в общество, исследователи стали задумываться о необходимости изобретения нового языка для описания новых явлений или тенденций. Так была предложена концепция постсекулярного, которая в последние десятилетия становится все более и более популярной.

Масштабной попыткой описать происходящие изменения в сфере трансформации религиозного является книга социолога религии и философа Дмитрия Узланера «Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке». В работе предлагается анализ постсекулярности, во-первых, как актуальной социальной реальности, во-вторых, как релевантной концепту-

1. См.: *Павлов А.В.* Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

альной рамки для описания этой реальности.

Фактически данная работа стала продолжением монографии «Конец религии? История теории секуляризации»[2]. Первая книга автора посвящена комплексному анализу социологической теории секуляризации и ее истории в рамках западного контекста и советской реальности. Работа заканчивается тем, что подводит к теме, представленной в новой книге: теперь автор исследует причины, в силу которых теория секуляризации в начале XXI века стала утрачивать свою ценность как система представлений и как язык описания современности, и произошел «постсекулярный поворот».

Этот поворот произошел в 1990-е годы, когда возникла концепция постсекулярности. В то время как новые религиозные феномены, возникшие во второй половине XX века, распространились повсеместно, возникло ощущение того, что старая модель описания реальности больше не работает. Тогда в научной и общественно-политической литературе, посвященной критике секуляризма, стали активно использовать понятие «постсекулярное». До этого же новые формы религиозности рассматривались как отклонения от нормы и рассматривались при помощи привычной секулярной оптики. Анализу этих тенденций и посвящает свое исследование Дмитрий Узланер.

Что автор имеет в виду под постсекулярным поворотом и постсекулярностью? Постсекулярный поворот — это «ситуация эрозии, с одной стороны, привычных религиозных/секулярных форм, а с другой — модели их репрезентации в академическом дискурсе» (с. 12). Этот распад диктует необходимость поиска нового языка для описания только зарождающейся реальности, одновременно постсекулярной и пострелигиозной, если рассматривать ее с помощью «привычных представлений о религии и секулярном» (с. 12).

Соответственно, постсекулярность — это новое нестабильное состояние общества, при котором происходит возвращение религии в социальное пространство и возникают новые формы взаимодействия религии и секулярной реальности. Кроме того, постсекулярность предполагает возникновение потребности в новой модели репрезентации возникающей реальности. Постсекулярное не стремится вернуть досекулярные формы мышления, а наоборот — становится почвой для формирования принципиально новой ситуации современности (с. 97). Вслед за со-

2. *Узланер Д.* Конец религии? История теории секуляризации. М.: Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2019.

циологом Грегором Макленнаном Узланер указывает на то, что приставку «пост-» в постсекулярности необходимо понимать как то, что дальше секулярного, а не после- и не антисекулярное (с. 186).

Заметим, что, говоря о постсекулярности, Узланер упоминает и альтернативные подходы к описанию современности. Например, он обращается к концепции десекуляризации и тут же указывает на ее несостоятельность: десекуляризация в отличие от постсекуляризации акцентирует внимание на «обращении секуляризации вспять», возвращении к досовременности, что неверно описывает сегодняшние тенденции (с. 185).

Сам «Постсекулярный поворот» представляет собой сборник из 10 работ и одного приложения — рецензии на книгу историка философии Алексея Апполонова «Наука о религии и ее постмодернистские критики». Работы публиковались в различных научных периодических изданиях с 2008 года: часть из них вошла в книгу в дополненном варианте, другая — впервые издана на русском языке. Иными словами, мы имеем результаты долгой и кропотливой научной работы над конкретной темой, наконец собранные под одной обложкой. Тексты размещены в хронологическом порядке их публикации, поэтому читателям не следует ожидать последовательного нарратива. Тем не менее каждая часть посвящена отдельному аспекту постсекулярности и является законченным исследованием, выводы которого представляют собой важный вклад в социальную теорию (постсекулярности) и могут быть развиты учеными в дальнейших исследованиях и иных областях социального и гуманитарного знания. Из-за высокой эмпирической и теоретической насыщенности каждой главы любая часть книги могла бы стать предметом тщательного анализа. Однако мы остановимся только на некоторых аспектах, которые показались нам наиболее интересными.

Первая и вторая главы были опубликованы в 2008 и 2011 годах в журнале «Логос». Они посвящены ретроспективному анализу понятий «религиозного» и «светского» и их становлению внутри академии. В частности, в этих частях книги обращается внимание на роль модерна в конструировании данных категорий и его постепенное ослабление в последние годы: «религии сегодня пытаются вырваться из оков “религии”» (с. 41), вернуть свой изначальный статус. Узланер не считает, что модерн полностью исчерпал себя: идейный модерн действительно оказался «под большим вопросом»,

в то время как институциональный модерн укрепляет свои позиции (с. 41–42).

В контексте новой реальности изменяется и сама философия как направление мысли: философия и теология взаимопроникают друг в друга, что становится растущей тенденцией и отличительной характеристикой постсекулярной философии. У данного явления даже появилось название — теологический поворот (с. 54). Многие ученые стали выступать против скрещивания двух дисциплин, однако Узланер скорее поддерживает другой лагерь, представители которого (например левые философы Ален Бадью, Терри Иглтон, Славой Жижек и Джорджо Агамбен) стали активно употреблять теологические понятия и концепты в собственных трудах (с. 48–61).

Однако Узланер обращает внимание не только на трансформацию философии и теологии: третья глава книги посвящена анализу соотношения религии и современности в рамках социальных наук. Эта глава, как и предыдущие, показывает, как теория секуляризация стала несостоятельным инструментом для описания происходящих изменений. Здесь автор выделяет следующие причины, которые позволили задуматься об утрате актуальности теории секуляризации: споры о европейской и американской исключительности, ряд важных мировых событий, в частности Иранская революция 1979 года, и, наконец, критика теории модернизации, с которой всегда связывали секуляризацию. Возможной оптикой для решения задач, с которыми столкнулись исследователи религии, по мнению Узланера, стала концепция «множественных современностей» социолога Шмуэля Эйзенштадта (с. 117–127).

Три главы (четвертая, восьмая и девятая) посвящены непосредственно российскому контексту постсекулярности. В четвертой главе Узланер ненадолго оставляет теорию и уделяет внимание конкретному «кейсу», делу Pussy Riot, а также обращает внимание на особенности постсекуляризма в России. Ценность главы заключается в том, что в ней рассматривается граница религиозного и светского на примере панк-молебна, который спровоцировал возникновение конфликта интерпретаций, что подтверждает нестабильность ситуации постсекулярности. Автор рассматривает несколько аспектов, с которыми непосредственно был связан конфликт интерпретаций: сам акт панк-молебна, храм Христа Спасителя как пример профанного «святого» места, а также социальная группа «православных верующих», чьи чувства задел перформанс. Например,

панк-молебен рассматривается с позиций нескольких сторон: участниц группы Pussy Riot, официальных представителей церкви, общественности, «раскольников» (христиане, оппозиционно настроенные как в отношении РПЦ, так и к настоящему политическому режиму) (с. 132–145). У каждой из сторон было свое понимание границ религиозного и светского, что позволило автору выделить два нормативных образа постсекуляризма в России: «оппозиционный» и «провластный» (с. 177). Этот же кейс описывает, как в постсекулярной реальности светское государство и его агенты вовлекаются в «(квази) богословские споры» (с. 133). Кроме того, как показано в девятой главе, посвященной анализу общенационального проправославного консенсуса, дело Pussy Riot стало переломным моментом этого консенсуса и ускорило его постепенный распад, который сегодня выражается в более острой форме, а именно в возникновении национальных конфликтов на религиозной почве (с. 299–346).

Четвертая глава также важна тем, что в ней вводится авторское понятие «постсекулярного гибрида». Под постсекулярными гибридами Узланер понимает «взаимопроникновение религии и некогда обособленных от нее подсистем общества» (с. 161). Дело Pussy Riot позволило разглядеть несколько ярких российских «постсекулярных гибридов»: религия как часть общественного порядка, пересечение религиозной и политической сфер, конфессиональные религиоведы-эксперты (с. 162).

Восьмая глава посвящена тому, как российские богословы пытаются помыслить постсекулярность в России. Как показывают авторы (текст написан в соавторстве с социологом Кристиной Штекль), данная концептуальная рамка была введена в российский контекст для описания постсоветского опыта. Она стремится нащупать «некую серединную позицию между модерном и антимодерном» (с. 271). Особое внимание уделяется анализу работ Александра Кырлежева, который стал автором первого русскоязычного системного анализа постсекулярного[3].

Пятая глава начинает иной смысловой блок: она посвящена картографированию постсекулярного, или, если выражаться термином одного из главных теоретиков постмодернизма Фредрика Джеймисона, когнитивному картографированию. В ней описываются «ключевые смысловые пункты» постсекулярно-

3. *Кырлежев А.* Постсекулярная эпоха // Континент. 2004. № 120 [https://magazines.gorky.media/continent/2004/120/postsekulyarnaya-epoha.html, доступ от 06.09.2020].

го: постсекулярность рассматривается как новая эмпирическая реальность, новая нормативная установка, новая научная оптика. Этот текст в некотором роде представляет собой квинтэссенцию озвученных ранее идей, однако получившаяся когнитивная карта позволит читателю лучше понять ситуацию постсекулярного и лучше ориентироваться в проблеме.

Попыткой внести ясность и в некотором смысле картографировать постсекулярность является и седьмая глава, которая также написана в соавторстве с Кристиной Штекль. В ней рассматриваются четыре генеалогии, которые порождают уникальное представление о постсекулярном: социологическая, нормативная, постмодернистская и теологическая. Исследователи отмечают, что большое количество интерпретаций постсекулярного не является признаком несостоятельности концепции, а лишний раз доказывает ту текучесть современности, которую она пытается запечатлеть и описать (с. 249–267).

В шестой главе речь идет о взаимодействии науки и религии в публичном пространстве в том смысле, в котором этот «диалог» понимал Хабермас — «совокупность институтов и практик, располагающихся между сферой государственной власти и сферой приватности» (с. 212). Этот текст выступает в защиту религии как важного и неизбежного участника публичных дискуссий и доказывает, что она не может быть исключительно приватным феноменом.

Наконец, последняя глава была опубликована в 2019 году, она предлагает обзор основных тенденций во взаимоотношениях религии и политики в современном мире. Здесь мы узнаем, что сегодня не только политика может влиять на религию, но и религия на политику. На это повлиял ряд мировых событий, в том числе Иранская революция 1979 года и становление движения «христианских правых» в США. Другой тенденцией является то, что многие интеллектуалы отказываются осмыслять религиозные процессы и саму религию всерьез. Кроме того, в настоящий момент мы наблюдаем кризис политических секулярных идеологий. Знаковой тенденцией является соединение религии и политики в Западной Европе и России (с. 347–367).

Идея о том, что современность, во-первых, необходимо помыслить как постсекулярную, а во-вторых, принять постсекулярность как релевантную оптику для анализа современности, красной нитью проходит через весь текст. Размышления Узланера основываются на мощной эмпирической базе: в главах, посвященных теоретическим аспектам

анализа постсекулярности, приятно удивляет количество концепций, теорий и их применение в рамках исследуемого феномена (например, концепция «перекрывающего консенсуса» Джона Ролза, подход к постсекулярной философии Джона Капуто, анализ концепции секулярности Чарльза Тейлора, Талала Асада, Джона Милбанка и др.). В главах, посвященных анализу конкретных кейсов, автор показывает высокий уровень проработанности медиаресурсов: так, при обращении к случаю Pussy Riot помимо точного изложения материалов самого дела мы видим анализ репрезентативных публикаций в любительских блогах («живые журналы» политика Алексея Навального, Pussy Riot, журналиста и политика Максима Шевченко), в федеральных медиа (Газета.ру, радио «Свобода»), а также на тематических ресурсах («Православие и мир»). Также автор обращается и к социальным медиа (паблики ВКонтакте «МДК», «Лепра»), например, когда анализирует современные общекультурные ценности, чтобы доказать тезис о распаде проправославного консенсуса. Хотя Узланер и не предлагает детальный анализ контента страниц в социальных сетях, все же он очерчивает общую конъюнктуру.

Работа охватывает широкий спектр тем, поэтому расположенные по хронологии материалы иногда сбивают с толку: некоторые идеи, изложенные в книге, повторяются, но при этом раскрываются с нового ракурса; но встречаются и такие повторения, которые, следует признать, не всегда оправданны. В книге ощущается нехватка нарратива, который мог бы сделать насыщенный материал более стройным. Однако эта особенность отнюдь не отменяет теоретической и эмпирической ценности работы: она действительно позволяет глубже погрузиться в контекст постсекулярного, а предложенные в ней идеи могут быть использованы для развития начатой исследовательской линии в социологии, религиоведении, философии культуры и т. д.

В. Шпоть

Библиография

Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент. 2004. № 120 [https://magazines.gorky.media/continent/2004/120/postsekulyarnaya-epoha.html, доступ от 06.09.2020].

Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2019.